

ЛАУРЕАТ Ленинской премии, депутат Верховного Совета СССР, председатель правления Союза писателей Грузии Нодар Думбадзе — один из самых читаемых и любимых писателей наших дней. Уже ранние его произведения — «Я, бабушка, Илико и Илларион», а затем «Я вижу солнце» — были отмечены премиями Ленинского комсомола. Роман «Белые флаги» удостоен премии Шота Руставели. А о «Законе вечности», романе, принесшем автору высшую творческую награду страны, о его главном герое, нравственном двойнике писателя, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе сказал буквально следующее: «Какие лекции, доклады, диспуты, симпозиумы могут заменить идеологический эффект, скажем... вечного закона нравственного бытия, открытого коммунистом Бачаной Рамишвили?».

...Я приехал в столицу Грузии, когда писатель был болен. «Ну и что же, что болен. Он тебя обязательно примет», — сказали мне попутчики, сами едва ли встречавшиеся с писателем. Они не ошиблись. Казалось, с Думбадзе знаком весь город. Позже, во время интервью, рассказывая о своей почте, он подтверждает мое предположение: «В Грузии я знаю многих. Если кто-нибудь мне хочет что-то сказать о моих вещах — зачем ему писать. Он может это сделать лично».

Но книги Думбадзе не только читают и любят. О них еще и спорят. С ними не соглашаются. Не очень юный физик упрямо доказывал мне, что грузинская литература потеряла, когда Думбадзе-юморист уступил место Думбадзе-философу. Упрек, впрочем, не новый. Восходит он к тому времени, когда вышли «Белые флаги». Именно в этой вещи, наполненной юмором и грустью, писатель затронул теневые стороны жизни, мешавшие здоровому развитию нашего общества. А затем в «Законе вечности» продолжил этот разговор.

— Знаете, мне очень редко нужен какой-то внешний штрих, — рассказывает Нодар Владимирович. — Если вы заметили, я никогда не описываю облик своих героев. Гораздо интереснее характер, диалог, поступок. Вот без них я не могу. Впрочем, это не мое, Нодара Думбадзе, открытие. Это традиция русской литературы.

МАСТЕРА
КУЛЬТУРЫ

ПО ЗАКОНУ НРАВСТВЕННОГО БЫТИЯ

В литературе, как и во всяком непрерывном процессе, есть свои периоды. Скажем, русская словесность расцвела в XIX веке. Ренессанс грузинской литературы был раньше. Затем новый прилив сил — после Октября. Очень интересные произведения написаны в 20-е годы, в начале 30-х. К концу же 30-х годов в литературу стала вживаться бесконфликтность. На этой почве как писатель возрастал и я. Но скоро понял, что мало принес пользы своей стране, партии, если в своем творчестве буду обходить явления, мешающие нам становиться сильнее, богаче, чище. Вот с этой позиции я отношусь даже к самым маленьким своим рассказам. Вроде бы получается убедительно. И даже нравится читателю.

— Вероятно, это подтверждает ваша почта?

— Да, пишу много, и особенно из России. Несмотря на то, что мои книги доходят туда в переводах, и на то, что я пишу о Грузии, а мои герои — грузины. Значит, то, что я пишу, — интернационально.

Доброта Думбадзе, не только человека, но и писателя, прослеживается и в его героях. Теймо из «Солнечной ночи»; участковый Кукарача и журналист Бачана удивительно добрые, чистые душой люди. Но с каждой новой книгой доброта рассказчика и героев приобретала новое качество. Если у Зурико и Теймураза любовь кокружающим — свойство характера, то для поздних героев Думбадзе доброта становится выстраданной позицией, сознательно выбранным оружием борьбы со злом. Очень непохожие, далекие во всем, кроме разве что убежденной принципиальности, Бадана Рамишвили

и Георгий Тумурашвили, прозванный Кукарачей, словно учат нас сердечному отношению к людям, к природе.

Не случайно параллельно с эволюцией добра в творчестве писателя меняется и художественное обличье зла. Оно перестает быть злом вообще, как темная краска, отбрасывающая солнечные блики жизни. У Нодара Думбадзе сегодняшнее зло имеет точно воссозданный портрет, конкретный адрес. Эта прицельная публицистичность, вплетенная в ткань философского художественного произведения, оказывает сильное воздействие на читателя.

— Кого вы считаете своими учителями? Кто ваши любимые писатели?

— Мои учителя — все писатели, которых я читал. Одни учат, как надо писать. Другие — как не надо. Если говорить о грузинских писателях, о тех, в ком мои корни, это Саба-Сулхан Орбелиани, Давид Кидиашвили, Илья Чавчавадзе, Константин Гамсахурдия.

Люблю русскую классику — всю. А Чехова просто обожаю. Другого такого рассказа, как чеховская «Скрипка Ротшильда», я в мире не читал. Из современников очень люблю Шукшина, Нагибина, Бахланова, Катаева, Симонова. Очень талантливый и значительный писатель Трифонов. С белой завистью я читал «Буранный полустанок» Айтматова.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Пока я эту книгу условно называю «Очаг».

Как-то на встрече с читателями одна девочка мне задала вопрос, какую самую интересную книгу я читал и перечитывал. Я сказал: «Очаг». — «Кто ее автор?».

Я ответил: «Наверное, народ». Она спросила: «А на каком языке эта книга написана?» — «На всех языках мира». Я имел в виду обыкновенный очаг, в котором горит огонь. Огонь навевает разные мысли. Воспоминания. Думы о будущем. Я пока не знаю, что у меня выйдет — роман, повесть, цикл рассказов. Еще в каком-то розовом тумане фигуры. Я всегда долго думаю над своими вещами, хотя потом пишу очень быстро. Наверное, поэтому план всегда нарушается. У меня еще не было, чтобы я свой план выполнил в точности. Бывает, перевыполнишь. Бывает, в сторону уйдешь. Иногда хорошо видишь, чем кончится вещь. Даже начинаешь писать с финала. Будто знаешь конечный пункт, а за какое время пройдешь дорогу — неизвестно. «Кукарачу» я задумывал страниц на 400, а вышло три авторских листа.

— Нодар Владимирович, когда вашего Бачану Рамишвили принимали в партию, он сказал: «Теперь время поработать моему поколению, ответственность за жизнь берут мои ровесники». Но это и ваши, Нодара Думбадзе, ровесники. Скажите, как вы в год 60-летия образования СССР оцениваете сделанное вашими сверстниками, вашими друзьями?

— Если не говорить о частностях, важно вот что. Мы сейчас наблюдаем необыкновенный расцвет грузинского искусства. Наши театр, кинематограф, живопись, скульптура и, конечно, литература вышли за рамки национального искусства и стали предметом пристального внимания и в нашей стране, и в мире. Этот расцвет закономерен. Он совпал — и я хочу это специально подчеркнуть — с невиданной демократизацией всего нашего общества, всей нашей мысли. Писатели, драматурги, кинематографисты поднимают любые, самые злободневные вопросы. Предметом искусства стало то, что раньше не признавали, держали за его пределами. Не так давно, что скрывать, бывало, восхваляли и превозносили произведения, к которым читатель относился сдержанно. Сейчас же высокие награды получают вещи, полюбоившиеся народу.

Этот демократизм и все его прекрасные плоды — главный итог нашей работы и нашей жизни. С ним мы и приходим к юбилею СССР.

Б. БАГАРЯЦКИЙ.

ТБИЛИСИ.